

СЕДАНКА – «СТРАНА ДОБРЫХ-ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ»

Перед тобой, дорогой читатель, - часть дневника, еще не видевшая свет, - из архива краеведа Фаины Николаевны Косыгиной, моей мамы. Рукопись была сделана в 1990 году, когда они с отцом жили в Москве в период его депутатской деятельности. Тогда тоска по второй родине – Корякии – заставила её взяться за перо и строчить, строчить свои воспоминания о далекой и любимой северной тундре и её людях, запавших в сердце навсегда. Читаешь, грустишь и восхищаешься – вот как жила молодежь шестидесятых без мобильных телефонов, компьютеров и даже телевизоров.

Е. Косыгина.

Седанка... Село, с которым связаны в моей жизни самые светлые воспоминания.

30 лет назад, в 1960 году мы с мужем были направлены окружным отделом культуры в это село культработниками: он - учителем Седанкинской красной яранги, а я - заведующей сельской библиотекой. Была ранняя весна, дороги размыло, и в ожидании хоть какого бы то ни было транспорта мы застряли в Тигиле. Жили у Косыгиных и тётя Валя угощала нас фаршированными гольчиками, вкуснее которых я потом больше никогда не встретила. Устав ждать, мы увязались однажды утром за гружёнными кинофильмами лошадиными санями, возницей был напанский кино-механик (он сейчас работает в Воямполке). Всю дорогу брели по щиколотку в снежном месиве, иногда присаживаясь на сани отдохнуть. За длинную дорогу исчерпали весь запас вокальных своих возможностей, пополнились знаниями о жизни друг друга до момента нашей встречи, ссорились и мирились и под конец пути дали волю своей фантазии, приняв обгорелую корягу близ дороги за грозно стоявшего на задних лапах медведя.

Седанка открылась неожиданно. Мы стояли на возвышении, а она была внизу, весенняя, подметённая, с огоньками дымящихся костерков из мусора. Два ряда брусчатых домов в форме буквы «Г». В центре - магазин (аккуратненький тогда, новый домик) и клуб вместе с библиотекой (в полуразвалившемся здании, напоминающем сарай или овощехранилище). Был вечер. Мерно тарахтел движок. Седанкинцы смотрели кинофильм.

Хотя «местные власти» и знали о нашем приезде, нас не встречали и о ночлеге надо было думать самим. Спасибо Василию Васильевичу Беккеру - приютил до утра, а утром с председателем сельсовета Майватовым пошли из дома в дом, упрашивая хозяев принять нас на постой. Но никто не соглашался: кому нужны чужие люди в доме. У одних было тесновато для своей-то семьи (не до постельцев!), у других нам не нравилось: слишком уж закопчённые стены, разваленная печь, подозрительно шевелящиеся щели.

Зашли в дом, где небольшая, кругленькая как резиновый мяч женщина-корячка усердно натирала клеёнку на полу и у порога. «Здравствуй. Убираешься?». - «И-и!» - утвердительно прозвучало в ответ. «Вот, у тебя будут жить!» - объявил ей председатель сельсовета. - «И-и!» - прозвучало в ответ. Председатель поспешил скрыться (пока не передумала). А мы улыбались хозяйке. Она застенчиво потупила взгляд. Эта манера потом всегда умиляла меня в Нэвил (так звали хозяйку, с которой нам предстояло жить. Стали рассматривать избу (такое название ей больше подходило). Бревенчатые стены побелены, одна кровать, хороший, большой, располагающий к чаепитию стол, пара стульев - вот и вся обстановка, разместившаяся в одной просторной комнате. Приятно удивило наличие швейной машинки в доме, чисто вымытый пол. В дальнейшем меня всегда удивляла склонность Нэвил к наведению чистоты. Без конца тёрла она и без того чистые полы. Одной из её слабостей было подбеливание печи. Она белила её еженедельно независимо от того, закопчённая она или нет. Кисточка с мелом так и лежала всегда на видном месте. Здесь, видимо, сказывалась её профессиональная деятельность. Нэвил Амгалёва работала поваром в интернате. О доброте этой женщины можно рассказывать бесконечно. Она растила детей своей сестры Ёмны Амгалёвой - Олю и Толю. И была им как мать. Она приняла нас и навсегда сделалась нам и сестрой, и матерью, и подругой.

Длинными зимними вечерами она рассказывала мне о чертях и чертовках, о бешеных лисицах, а запугавши вконец, весело смеялась и говорила: «Я пошутила». Ночью, заслышав лай нартовых собак, она первая соскакивала с тёплой постели и бросалась растапливать печь, греть воду для вернувшегося из табунов учителя, приговаривая: «Сынок приехал». И трудно сказать, у кого из нас было больше радости возвращению Володи.

У Нели (как мы звали её по-русски) я научилась сушить листья черемши и варить зимой ароматный суп, она угощала меня сытной рыбной мукой, кровяным супом. Помню, внимательно присматривалась Нэвил к тому, как я застилала простыню и пододеяльником свою кровать. Однажды она пришла из магазина с ворохом белого полотна, бросила мне под ноги белую кучу и скомандовала: «Сшей мне, как у тебя». Теперь наши кровати стояли как близнецы-братья. И в дальнейшем Неля во всём хорошем подражала нам. Нашими любимыми занятиями стали совместные выходы в баню, стирка, рукоделие. Я, совсем не умеющая шить, как-то раз удачно сшила ей ситцевое платье. Радости обеих не было конца, но когда Неля привела свою подругу Валю Икавав и велела и ей сшить такое же, я придумалась, как бы не уронить не только свой портновский авторитет, но и Нелин в глазах её подруг. А вдруг испорчу? Зато постельное бельё я могла строчить безбоязненно. Здесь особого умения не требуется. И женщины шли к нашему дому с узелками простынного материала. Тогда ведь не было КБО.

Но не только заботы о белье занимали меня. Дела библиотечные были главным предметом моего беспокойства. А дела эти начинались не ахти как хорошо.

При первом моём появлении в библиотеке представшая картина поразила меня, не очень-то избалованную до того работой в хорошем помещении. Но всё-таки клуб в Олюторке оказался куда приличнее клуба в Седанке. А библиотеки и там, и тут были при клубах. Здесь предстала передо мной груда книг, хаотически сваленных в центре и по углам комнатки со слепыми маленькими оконцами. Ни занавесок, ни стеллажей вдоволь, ни подставок для газет. А одно окно выбито и заткнуто чьей-то старенькой телогрейкой. В центре - развалившаяся печь, затопить которую - значило сделать пожар. Но... я была комсомолкой. И хорошо, что вскоре в селе состоялось комсомольское собрание. Здесь, на собрании я увидела, что не так уж мало в селе молодёжи. Да парни-то какие! Стройные, красивые, да

оказалось - спортсмены районного масштаба! Седанка славилась спортсменами. Коля Нутанкава, Петя Этекьев, Ваня Интаят, Стёпа Акеев.

К ним и обратилась я с отчаянной просьбой помочь привести в порядок библиотеку. И даже не ожидала такого горячего участия. Один воскресник мы орудовали в стенах библиотеки: вставляли и мыли стёкла окон, ребята грохотали молотками и рубанками, соорудили мне вдоль стен вдоволь стеллажей, тумбочку для газет. Заведующий участком прислал печника и взамен старой вскоре выросла новая, аккуратненькая печечка.

Следующий воскресник был организован по доставке дров для печей клуба и библиотеки. И опять они были незаменимыми, мои новые друзья - ребята и девчата Седанки.

На одном из собраний я сказала: «Давайте жить интересней. Раз у нас нет театров и музеев, будем сами познавать прекрасное. У нас есть книги и пластинки. Будем собираться вместе и слушать рассказы тех, кто подготовит нам интересный рассказ о писателе или поэте, певце или актёре». Интересных собеседников оказалось немало: в Седанке работали в то время две молодые воспитательницы Лариса Строгалева и Алла Мельник - эрудированные, начитанные девчата из Владимирской области, которые горячо включились в работу кружка «В мире прекрасного». Так мы назвали своё детище. Активно работал кружок всё время, пока мы жили в Седанке. На его занятиях мы знакомили молодёжь с творчеством Атлантова, Шаляпина, Плисецкой, Есенина. На его занятиях поэт Коянто знакомил нас со своими новыми стихами, рождёнными в поездках по тундре. Так мы были первыми ценителями его седанкинского цикла стихов «Оленьими тропами». Разрумянившись от застенчивости выступали Лариса, Алла перед не меньше разрумянившимися от волнения за них Надей Гвагиной, Виктором Гвагиным, Виктором Аёе, Машей Авиновой, Галей Орловой, милостивым Стёпочкой Акеевым.

Здесь, в Седанке, я уже могла применить опыт, накопленный в Олюторке. Опять излюбленной формой работы стали подворные обходы, вспомнились «красные и чёрные квадраты». Недостатка в читателях не было. Каждый день перед началом сеанса в библиотеку набивались читатели. Основное большинство составляли люди старшего возраста. Среди них оставил особенно яркий след плотник Каватта. Он интересовался мемуарной литературой, знаю, является активным читателем и до сих пор.

В то время получила широкое распространение такая форма культуры, как школы культуры и быта. Была организована и в Седанке такая. Кроме кройки и шитья, лекций о воспитании детей и гигиене жилища, был организован кружок кулинарии. Одно из занятий пришлось проводить мне. Чтобы показать на практике,

как испечь блины, я пригласила всех кружковцев к себе домой, при них показала, как развести тесто, при этом развела «бадю» и весь вечер проводила практические занятия: пекла блины, кормила всех желающих отве-дать, заодно поила чаем. Весь вечер к дому цепочкой тянулись женщины и бабушки. Занятие очень понравилось слушателям школы.

Между тем, район готовился к традиционному смотру художественной самодеятельности и мы задумывались о репертуаре предстоящего концерта. Репертуар по-прежнему «больное» место творческих коллективов. В Тигильском РДК положение с репертуаром было не лучше, чем в других районах. Помочь каждому сельскому клубу в выборе репертуара было некому, поэтому вся надежда была на способности и талант каждого участника самодеятельности. А таланты были!

Помню, первое, что меня удивило при знакомстве с жителями - любовь к пению. Где бы ни были, люди везде пели. Особенно девчата. В очереди ли, на воскреснике, сидя в тракторе, окучивая картошку - везде пели. А голоса у Маши Авиновой, Маши Смирновой, Шуры Авиновой, Гали Орловой (теперь Вачагиной) были прекрасные, музыкальный слух - отличный. Песни в их исполнении приобретали какую-то особую душевность, мелодичность. С ними и работать-то не надо было. Они сами рвались на сцену. Надо было только организовать. Роль организатора выполняла зав. клубом Людмила Косыгина, а роль хударука - Володя. Он стал на то время и хормейстером, и постановщиком танцев. Национальные номера самодеятельности перемежались русскими. Танец «Берёзка» в исполнении всех без исключения девчат Седанки - и русских, и местных, получив хорошую оценку на районном смотре, поехал потом в Палану, а также танец «Бакию», частушки на местные темы (на суд самому Поротову). И вот на районном смотре в феврале 1961 года коллектив художественной самодеятельно-

сти с. Седанка завоевал второе место. Предпочтение всё-таки было отдано хайрюзовским старикам-иладельцам с их «Ходилами», но у нас было отмечено привлечение широкого круга молодёжи. И почти все наши номера прошли на заключительный концерт.

После смотра так не хотелось терять нам друзей и ту творческую обстановку, которая обычно сближает и роднит коллективы. Мы все любили друг друга и долго ещё потом с песнями разъезжали то в Напану с дружеским визитом, то на ферму.

А однажды верхом на лошадях поехали в оленеводческие звенья. Ни разу не сидевшие верхом, мы с Ларисой уселись на одну лошадь (очень смиренную) и когда на спуске с горы надо было откидываться в седле назад, мы, визжа, обнимали лошадь за шею и, естественно, валились через её голову. Когда надо было при подъёме в гору обнимать её за шею, мы сползали, хватаясь за хвост, назад. И умная лошадка останавливалась, ждала, когда мы, барахтаясь, вылезали из-под её брюха, куда летели с неё кувирком, и подводили к какой-нибудь кочке повыше, чтобы взобраться снова. Везли с собой мясорубку и весёлые номера художественной самодеятельности. Зато накормив оленеводов пельменями, мы показывали им концерт, и я никогда больше не видела, чтобы пастухи так искренне по-детски смеялись над «Мухой-Цокотухой», которую читала, приплясывая, воспитательница Лариса. Но уже на обратном пути мы мастерски гарцевали на доброй лошадке, познав за три дня пути все секреты верховой езды. Сейчас уже не помню, в какое звено мы ездили, но помню только, что там был на школьных каникулах мальчик Юра Акеев, и что табун был далеко в хребтах, а проводником был Алыку.

Так быстро пролетело время среди добрых людей, милых моих седанкинцев. Прав был муж, когда сказал мне перед нашим отъездом в Седанку: «Я повезу тебя в страну добрых-добрых людей». Никогда мы за всё время нашей жизни там не почувствовали недоброжелательности, равнодушия к себе! Нет. Только добро. И любовь.

Очень жаль было расставаться со ставшими чуть не родными седанкинцами. Это оттуда появилось в моём лексиконе нежное слово «чакок». Я его часто слышала от бабушек. Когда настало время прощания с Седанкой и мне надо было садиться в лодку, на берег реки собралось почти всё женское население Седанки, а Неля всё падала мне на грудь, приговаривая: «Ваина Николяевна! Неужели ты уезжаешь?». Женщины стояли на берегу и долго махали мне руками, пока лодка не скрылась за поворотом.

Спасибо тебе, Седанка! Ты стала добрым и грустным воспоминанием в моей жизни. Хайлём!

Ф.Н. КОСЫГИНА.